

Святой двадцатого века

➤ Кризис в жизни – шанс вырасти, подняться, расстаться с иллюзиями

«БОЛЬШАЯ КНИГА – встречи в провинции» – так назывался проект, с которым осенью Магнитку посетила российская писательница Людмила Улицкая.

Полтора часа Людмила Евгеньевна отвечала на вопросы магнитогорских читателей. Большую часть этой беседы «Магнитогорский металл» опубликовал «по следам» встречи. Но все выступление Улицкой газетные страницы не вместили, и мы решили кое-что приберечь с того памятного вечера и опубликовать, когда найдется повод. И он нашёлся: Улицкую включили в список четырнадцати номинантов на Мэн-Букеровскую международную премию, церемония вручения которой намечена на май. И хотя Букеровская премия не является наградой за отдельное произведение, а вручается по совокупности заслуг в области литературы, вспомним, наверное, одну из самых сильных и ярких книг Улицкой «Даниэль Штайн. Переводчик». Читатели и корреспондент «ММ» расспрашивали на встрече писательницу и о книге, и о прототипе главного героя – священнике Данииле Руфайзене, и о том, как можно быть праведником в сегодняшнем жестоком мире, и о кризисе в жизни, и о терпимости к себе и другим. Людмила Евгеньевна постаралась ответить на все.

О прототипе

Насколько реален образ Даниэля Штайна в книге? Там мало неправды: биография Даниила Руфайзена соблюдена весьма близко к реальным фактам. Единственное, что я придумала, – более эффектную смерть: Руфайзен умер в больнице от сердечного приступа. А все из-за того, что он совершенно не занимался и в больницу, по-моему, попал первый раз в жизни – и то, только для того, чтобы умереть. Если бы он заранее позаботился о своем здоровье, то, возможно, был бы еще жив: физически Даниил был очень силен, хоть и был маленького

роста. Испытания, которые он перенес в жизни – а во время Второй мировой войны Руфайзен вывел из гетто триста обреченных на смерть евреев, были такие, что они скорее закаляли, чем сделали из него больного. Поэтому биография его изложена к тексту весьма близко. А вот окружение Даниила я изменила весьма сильно.

Я не могла писать о живых людях, поэтому в романе очень много историй, сильно удаляющихся от реальных событий. Но, опять же, многие из них реальны, просто я конструктивным образом подвизала их к Даниэлю. Если бы он не умер в 1996 году, я бы эту книгу не опубликовала, я бы попросту побоялась ему ее показать. Более того, я очень боялась показать эту книгу его брату. Моя ивритская переводчица дала ему несколько глав, так он, прочитав, был безумно счастлив. Я тоже была счастлива, что он принял эту книгу.

О святости

Я с Даниилом при знакомстве в 1993 году беседовала довольно долго, у меня четыре кассеты осталось, и после общалась со многими людьми, которые знали Руфайзена. Среди многих, с кем я разговаривала, был только один человек, которому Даниил не нравился. Все остальные им восхищались, любили, ценили. Причем совершенно вне зависимости от юрисдикции, национальности. С моей точки зрения, он был святым – святым двадцатого века, который выглядит немножко иначе, чем те, которые изображены на иконах и о которых нам рассказывает книга пророков. Я просто счастлива, что мне в жизни удалось столкнуться с таким человеком и потом прожить большой кусок жизни с ним – когда я писала о нем. Даниил Руфайзен уже фактом своего присутствия очень

помог мне справиться с моими внутренними проблемами.

О кризисе

Дело в том, что когда мы с ним познакомились, я находилась в состоянии кризиса, то есть то мировоззрение, те установки, которые выработались у меня за долгие годы, вдруг начали крошиться, одно не стыковывалось с другим. И я была в подавленном состоянии из-за этого. И вот, после встречи с Даниилом, я поняла, что кризис – это совершенно нормальное, естественное состояние человека, что человек должен

время от времени переживать кризис. Если человек не переживает кризис, он не растет. Кризис в жизни – шанс вырасти, подняться, расстаться с иллюзиями и приобрести новое. Во всяком случае, есть желание свести весь мир в некую понятную схему, чтобы никакие углы не противоречили друг другу, чтобы было все логично и понятно. А еще лучше, если кто-нибудь другой вместо тебя все возьмет на себя. И тогда ты можешь идти за другим человеком, дыша ему в шею, и знать, что он все за тебя решит. Ты можешь ему полностью довериться.

О стереотипах

Так вот, состояние, от которого у тебя все рушится, и ты понимаешь, что и человека нет, которому ты можешь полностью довериться и как овца идти за ним, и вообще концы не сходятся с концами – эта ситуация не трагическая. В общем, разрушение наших стереотипов, разрушение икон – не совсем пустое место. Это идея, через которую надо пробиваться. Это образ Иакова, который борется с Богом. Иаков идет своим путем, ложится спать в пустыне, положив камушек под голову, и ему снится, что он борется с кем-то. Борется,

одолеть не может, и, в конце концов, противник ударяет его в бедро. В итоге Иаков просыпается хромым и понимает, что боролся с Богом. Как трактовать эту притчу? По-видимому, Богу иногда хочется, чтобы мы с ним поборолось, чтобы не всегда мы были овцами и шли за ним, что он жаждет от нас самостоятельности, собственного внутреннего движения. И Иаков принял вызов. Победить не победил, но устоял в борьбе.

Часто люди, которые принимают вызов, бывают неправы, они заблуждаются и приходят к каким-то другим выходам. Но это очень высоко – когда человек проверяет свои установки, себя: работает ли сегодня то, что так хорошо работало вчера? Может, уже пора сменить лошадку, может, пора что-то пересмотреть?

Вот произошла в стране перестройка, и миллионы людей почувствовали себя глубоко несчастными: до этого они жили спокойно и комфортно (я не про материальную составляющую), так как все было заранее объяснено. Эти объяснения были ложными, но они были даны, и можно было не задумываться, а идти по накатанным дорожкам. А для большинства – это удобнее, чем отвечать на какие-то жизненные вопросы. Поэтому для меня Даниил был, конечно, еще и человеком, который показал какой-то священный для меня, неведомый прежде способ жизни: проверять каждый день самого себя.

О вере

Есть наиболее яркая история, связанная с Руфайзеном, и связана она с историей почитания Троицы. Дело в том, что Даниил был евреем по национальности и католиком по вере. В какой-то момент он понял, что то, к чему он так привык, то, чему его учили, его не устраивает. Он не знает, как устроен Бог: состоит ли он из трех лиц, четырех или восьми... Личного опыта по этому поводу у него нет. Он может только принять это на веру, но ему как-то в это не верится. Поверьте мне, Руфайзен прочитал все канонические книги: и Августина

Блаженного, и Фому Аквинского, и всех отцов церкви. Но он слушал свое сердце. А в своем сердце ответа на вопрос о Троице он не нашел.

Даниил говорил так: «Мы не знаем, как устроено электричество, откуда же мы знаем, как устроен Бог?» Он просто понял, что это не соответствует его чувству веры. Кто это себе может позволить, какой один из тысячи священников может поставить перед собой вопрос: а действительно ли я верю, допустим, в Святую Ксению Петербургскую или в Матрону Блаженную? Кто посмеет? Он посмел. Меня это поразило и восхитило.

Поэтому я и написала эту книгу. Даниил Руфайзен – человек невиданной честности, и меня это страшно увлекло. Он был острым, но очень терпимым человеком. Он был святым, и одна из его основных жизненных установок была такая: в конце концов, неважно, во что вы веруете, важно – как вы живете. Именно ваша жизнь есть критерий того, веришь ты или нет. А что у вас в голове, какие у вас соображения и какие отношения с Богом – это ваше личное дело. А вот как вы проявляете себя по отношению к ближним – это есть знак того, насколько вы определено сказали Богу «да» на его предложение любить ближнего, как самого себя... ☺

ИЛЬЯ МОСКОВЕЦ
ФОТО > ДМИТРИЙ РУХМАЛЕВ

P. S. Среди претендентов на Мэн-Букеровскую премию этого года – американские авторы Эдгар Л. Доктороу, Эван С. Коннелл и Джойс Кэрл Оутс. Также номинированы нобелевский лауреат, уроженец Тринидада В. С. Найпол, австралиец Питер Кэри, Махасвета Деви из Бангладеш, шотландец Джеймс Келман, перуанец Марио Варгас Льюса, чешский писатель Арношт Лустиг, канадка Эллис Мунро, итальянец Антонио Табуки, кениец Нгуги Ва Тионго и хорватка Дубравка Угрешич.

Желаем Людмиле Улицкой победы на международном Букере и ждем ее новых произведений и проектов.